

Образ и подобие, центр и смещение

Человек есть то, что он знает. Любопытно, что в отличие от Сократа, который знал то ничто, которое он не знал («знаю, что ничего не знаю»), Восток в лице Конфуция очень тонко ведет границу между знанием и незнанием. Конфуций на вопрос ученика отвечает: «Я знаю то, что знаю и не знаю того, что не знаю». Вопрос о метафизике и об ее отношении к идее человека и к самому его существованию — это вопрос о границах знания, о принципах, его обеспечивающих.

Современный Запад рассматривает человека как объект науки, и наука эта — антропология. Религия полагает его как духовное существо, однако, будучи организованной по законам социального института, она тоже принимает его в качестве объекта, но по преимуществу объекта управления, правда, другими средствами, обращаясь не столько к чистому разуму, сколько к чувству, и прежде всего, чувству страха. При этом, т.е. в качестве социальных институтов, ни наука, ни религия не нуждаются ни в какой метафизике и прекрасно уживаются друг с другом, притерлись друг к другу. И чем теснее сливаются в «симфонии» институт религии с другими социальными установлениями (исполнительной властью, образованием, институтом собственности и другими социальными структурами), тем больше он опирается на чувство (под предлогом веры), тем меньше осознаются в нем метафизические принципы; говоря совсем определенно, метафизика и стремление к господству исключают друг друга. Разумеется, и наука, и религия, и сам социум имеют свои метафизические основания и даже принципы, которые, однако, все далее и далее уходят за горизонт осознаваемого. Эзотерическое ядро, а таковое было пер-

воначально у всех социокультурных установлений, оказывается скрытым не только от простого люда, но затмевается и от «избранных» вполне объективно, самим состоянием мира.

Человек тем не менее по самой природе метафизик.

Давным-давно буддисты придумали тест: быстро и не задумываясь надо ответить на вопрос «кто ты?». Обычно отвечают «человек», часто называют свое занятие, пол, национальность, религиозную принадлежность или какой-то другой разряд, с помощью которого определяются социальные роли и прочие ограничения проявления человеческой сущности. Самый верный ответ с их точки зрения — «никто», этот ответ свидетельствует об отсутствии привязанностей к миру иллюзий. Разнообразие этих ответов обнаруживает, причем с непреложной очевидностью, различие уровней, широты и степеней свободы индивидуального сознания. На более высоком уровне самоосознания стираются все более частные определения, как это парадоксально выражено в суфизме о состоянии «фана» (т.е. исчезновения, растворения в Боге): «Суфий — это тот, кого нет».

Действительно, можно утверждать, что человек есть то, что он знает, в том числе и то, что он знает о себе. Но если это знание зависит не только от принципов, но и от состояния сознания, а современное сознание само себя квалифицирует весьма часто как больное, то тем самым и знание будет искаженным. И не сегодня это стало понятным; говорят, что Асклепий, изображался держащим в руке яйцо, тем самым как бы утверждалось, что весь мир нуждается во врачевании. Впрочем, такое истолкование символа кажется немного слишком назидательным. Все-таки это бог здоровья, исцеления, значит, в его символике должно быть как можно меньше негативного. Возможно, что это «яйцо», символизирующее собою в том числе и «мир», есть также изображение жизненной энергии, т.е. он держит в руке золотой шар энергии, возможно, той энергии, которую индусы называли праной (в других учениях она носит другое название). Она чаще всего символизируется золотом, золотым свечением. Идея этой живой и всесильной энергии живет повсюду, даже в сказках, например в сказке о «Золотой рыбке»; ее ведь рассказала Арина Родионовна, весьма вероятная носительница Традиции, а следы Традиции могли сохраняться глубоко в сознании народа, исчезнув при этом, на поверхности, в официальной культуре. Золотая рыбка живет в глубине моря (изначального причинного океана) как золотой зародыш, Хирьягарбха иднусов, изначальная энергия; Старик со Старухой — это, ясно, Ян и Инь, Пуруша и Пракрити, т.е. два начала духовного и материального мира, а разбитое корыто есть не что иное, как наше

собственное тело. «Рыбку», т.е. энергию, вызывает из «моря» духовное начало, но именно материальное, творческое начало пользуется ею для своих целей. Энергия может восстановить тело (починить «корыто»), улучшить жизненные обстоятельства, но она уходит глубоко в море при желании властвовать над миром (т.е. над ней).

Индусы называют наше время Кали-Югой. Если в предыдущие эры (Юги) люди жили долго и гармонично, отступления от нормы лишь постепенно нарастали, то теперь беззакония катятся нарастающей лавиной; в древнем памятнике «Вишну-дхарме» говорится о людях Кали-Юги: «Продолжительность их жизни будет различной, но никто из них не будет знать, какова она, тогда как одни из них будут умирать зародышем, другие ребенком или юношей. Искренне преданные (благочестию) будут умирать, не прожив долго, а те, кто совершает дурные поступки и отвергает религию, будут жить дольше. Цари станут шудрой и будут подобно хищным волкам отнимать у других все, что увидят. Таковы же будут деяния брахманов, и большинство их будет шудрой и грабителями»¹. Понятно, что для человека традиции все это признаки катастрофической деградации. В Древней Индии были запрещены ростовщичество, винопитие, супружеские измены и пр. (как позднее и в исламе), для высших каст было запрещено самоубийство; только шудры могли брать проценты (не больше 2%) и пить вино, зато им запрещалось изучать Веды! Это означало, что низшие касты не в силах исполнять божественные установления, не в силах побороть алчность, поэтому не могут перестать стремиться к богатству, они не могут стремиться к освобождению, поэтому им запрещена также йога, так как тем самым они могут нарушить космическое равновесие. Иными словами, нельзя переворачивать естественную иерархию (варны, в принципе, должны определяться в соответствии с квалификацией, т.е. качеством существа), это может повлечь за собой пагубные космические последствия. Очевидно, что все эти представления коренным образом отличаются от современных. Так что по понятиям традиционного человека наши современники в своем большинстве — шудры. Все брахманы и кшатрии выветрились за время предшествующей «свихнувшейся» истории. И чем наглядней технический материальный прогресс, распространившийся на весь мир, тем явственней проступают черты деградации его автора, т.е. самого человека.

Современные тантристы также считают, что в наши дни человечество состоит из двух самых низших типов: махашу («пашу» на санскрите означает животное, скот, первое значение слова «пашу» — это скользящая петля, лассо, которым и улавливается все живое²) и

асурья (демоны, воевавшие с богами за напиток бессмертия). Первые не религиозны и руководствуются лишь велениями плоти (т.е. материальный мир их полностью уловил), вторые ненавидят любую религию, склонны ко злу, насилию и жестокости³. Понятно, что каждому типу человека соответствует определенный тип знания, соразмерный по объему и модусу, по уровню и качеству. Люди типа асурья станут совершенствоваться в способах убийства и жестокости, люди типа «пашу» будут стремиться к совершенствованию способов получения удовольствия и обмана. Эти способы и составят их культуру, т.е. набор соответствующих образцов. Нет культуры вообще, как нет вообще человека, а есть культуры определенных типов человека. Для асурья и пашу, например, закрыты знания других уровней (например, героев, святых, просветленных), поэтому высшие типы людей представляются им нередко как отступление от нормы, а их знания — пустыми вымыслами, недостойными внимания, поскольку они не соответствуют их опыту.

Представления о деградации человека и мира от золотого века до современного прискорбного состояния очень распространены, они встречаются во многих традиционных культурах и, скорее всего, соответствуют истине, т.е. разрушению или переворачиванию традиционной иерархии со всеми неизбежными последствиями.

В социологическом плане переворачивание иерархии означает, что низший, инструментальный план социума занимает место высшего, символического. Впрочем, и сама социология как тип знания присуща именно этому, «перевернутому» социуму. Общество, преимущественно ориентированное на материальное потребление, главное в котором интересы тела, принимает за основу экономическую деятельность, стиль жизни в нем диктует рынок. Духовное начало здесь не обязательно, факультативно. Символический уровень находится в подчинении различным инструментальным целям. Эта его переориентация исполняется также и в рамках религии. Доминирующий тип человека — гомо экономикус. Промежуточные этапы перевертывания естественной иерархии, когда символический уровень продолжает сохранять, хотя бы частично, свою самодостаточность и свои метафизические принципы отчасти открытыми и доступными, могут быть названы идеократией. К этому же промежуточному типу можно отнести общество, в котором доминирует религия (слишком поспешно названное «теократией», ведь «тео», т.е. Бог, если властвует, то надо всем без исключения).

Понятно, что в современном мире нет никакой истинной иерархии, по крайней мере видимой. Нет никаких высших варн, от пирамиды традиционных сообществ остались одни подножья. Можно ли

по этим подножьям узнать, что же было начертано на поверхностях этих пирамид и чем они венчались? Примерно такая задача стояла бы перед антропологией, если бы она занялась поиском своих метафизических оснований или принципов. Принципы или начала и есть суть метафизики. В слове «начало» присутствует двойной смысл: исходной точки во времени и высшей точки, в которой сконцентрированы потенциальные силы воздействия. Однако в Вечности всякая точка — середина, а метафизика все рассматривает с точки зрения Вечности. Для конкретного человека его жизнь — это его Вечность, и он всегда находится посреди нее, он расположен всегда в середине, а не в начале и не в конце. Привычка мышления полагает оба смысла слова слитно в «первоначале».

Адам и Ева — вот два имени, символизирующих собою два начала в западной традиции. Змей, этот мотив действия, есть символ разворачивающегося времени, т.е. наглядного образа Вечности. В нем до каждого из начал — как до Луны пешком, сколько бы мы ни приближались к нему, все равно остаемся в середине. Иными словами, метафизика размещается по ту сторону змея. Но все равно снова и снова предпринимаются попытки уловить смысл незыблемых изначальных принципов. Правда, современный человек погружен в радикальный скептицизм относительно всего выходящего за рамки практических интересов и знания, опирающегося на эмпирику. Сознание, за отсутствием внеэмпирических и вне прагматических ориентиров, превращается в поток узконаправленных коротких мыслей. Понятно, что массы людей, которые ни с чем иным и не знакомы, легко управляемы, причем в самых низких целях; их можно подвигнуть на любые безумства, ведь если небо закрыто непроницаемым сводом, то на потолке можно нарисовать не только какие угодно звезды, но и вообще все, что угодно.

Древнейшая из исторически достоверно известных традиций — это индуизм. В ней названы двадцать пять духовных принципов, называемых таттва, т.е. «все». Они правят проявленным миром, или мир по ним правится. Изначальный человек, Пуруша⁴, или всеобщий дух — это первый из этих принципов. Относительно начала и конца самого этого человека ничего знать нельзя («Пуруша, владыка всех существ, который сам есть время»). Обычно исследователи сопоставляют его с Адамом Кадмоном Каббалы. В индуизме этот Пуруша собою образует состав Вселенной, следовательно, она не только по своему происхождению божественна, но она по сути духовна, хотя и предстает как мир форм и имен-чисел. Каждый конкретный человек, занимая свое

уникальное место во вселенской иерархии, есть аналог этой божественной Вселенной как по составу, так и по духу, он и есть свернутая Вселенная.

Интересно, что этот бесконечно большой Пуруша полностью помещается в бесконечно малой точке в сердце, где в малом желудочке находится «акаша» (эфир, вакуум). Получается, что если и есть равенство между людьми, то оно только здесь, ведь в этой точке все совпадают, потому что «акаша» (эфир) вне времени и пространства, хотя само это слово часто переводят как пространство. Зато в соотношениях элементов, образующих человеческую форму, оболочку души, они несводимы друг к другу.

Разумеется, и в европейских доктринах есть аналоги этому представлению; прежде всего это учение о макрокосме и микрокосме (впрочем, эта концепция тоже пришла сюда из восточных учений). В свете подобных метафизических концепций заповедь «не убий» приобретает иной, не относящийся к морали смысл: раз индивидуальное существо есть подобие одного и того же космоса, то просто невозможно убить, т.е. некто, убивая другого, тем самым и в тот же момент убивает и себя, факт убийства обнаруживает «ничто» в самом центре каждого такого существа. Между прочим, отблески знания об этом «внутреннем ничто» есть и в более современных философских доктринах. Гегель, например, в «Феноменологии духа» сказал, что человек — это «самость, лишенная сущности», но ведь такая «лишенность» именно это и означает! Известны также и сентенции экзистенциализма на этот счет, в частности Ж.-П. Сартра. Правда учение о тождестве абсолютного Бытия и абсолютного Небытия (тоже у Гегеля, в «Науке логики») носит логический характер.

В сердце, согласно Упанишатам, оказывается, обитают двое: индивидуальная душа и Брахман, Высшее Я (т.е. Пуруша), и им там не тесно! Они же «две птицы, неразлучные друзья», сидящие на одном дереве, одна из них клюет плоды, а другая только смотрит. Об этом же говорится и в «Веданта Сутре»²: «Двое вошедших в открытое пространство (сердца): — это, воистину, индивидуальная душа и Высшая душа, поскольку это видно». Возможно, что отсюда исходит идея звездных близнецов, один из них смертный, а другой — бессмертный.

Итак, Пуруша, или дух, находится, согласно индуизму, в вакууме сердца (хотя он повсюду, на дне океана и в зрачке глаза). Научная европейская мысль старалась пристроить его где-нибудь в другом месте, например в голове, как это делал Платон, для которого тело — это тюрьма души, а «корень» человека — в высшей душе, ведь согласно Платону, из трех душ, которыми наделен человек (египтяне их на

считывали гораздо больше!), высшая душа, даимон, приставлена к человеку богом. Этот вид души «обитает на вершине нашего тела и устремляет нас от земли к родному небу, как небесное, а не земное порождение,.. ибо голову, являющую собой наш корень, божество простерло туда, где изначально была рождена душа, а через это оно сообщило всему телу прямую осанку»⁶. Тело человека строится под руководством даимона и согласно плану, который аналогичен устройству Вселенной. Начинается это строительство с головы, еще в утробе матери. В течение всей жизни даимон остается прикрепленным к «корню» человека возле макушки. Получается, таким образом, что человек воспринимает себя в перевернутом виде, вверх ногами, так сказать. Те мужи, говорит Платон, которые забыли о философии, т.е. перестали устремляться к познанию истины и помышлять о небесном, поручили руководство собою не даймону, а низшим частям души, опустились на передние конечности и черепа их деформировались Они превратились в животных. Те, кто еще больше притягивается землей, вообще стал мало разумным, такие существа стали пресмыкающимися, а самых скудомных отправили в воду. Кстати, в даосской метафизике дух, шэнь, тоже помещался в голове (как сознание, мышление, психика), правда, только дух посленесный, т.е. проявленный, а прежде небесный, т.е. существующий до рождения, при жизни помещался в сердце!

Этруски особое значение придавали печени как центру душевной жизни «Каждый участок печени соотносился с определенным участком небес, управлявшимся соответствующим богом»⁷. Кстати сказать, слово «храм» этрусского происхождения, оно означало «небесный свод», т.е. храмом для них была Вселенная, а через посредство «соответствующих богов» и само тело человека было храмом. Каменный «дом Бога» еще не закрывал от них неба.

Правоверные иудеи рассматривают кровь как местопребывание духа⁸. Впрочем, они в этом не одиноки, они следуют очень древней традиции, в которой кровь — это присутствие первичного океана, над водами которого носился дух в момент сотворения мира. Этот образ, известный как библейский, уходит в непроглядную глубь веков; это представление дожило и до Декарта, который в крови поселял маленьких жизненных духов. Замечательный доктор С.С.Коновалов, создавший самую современную метафизику здоровья, называет кровь «межклеточным разумом»⁹, причем, для него человек — это прежде всего душа, она не находится где-то в теле, а само тело есть лишь ее проявление, отпечаток в физическом мире: «Человек есть Душа, озарившая Плоть»¹⁰. Точнее не скажешь! Душа же человека, получая опыт

познания физического, проявленного мира в течение своей земной жизни, предназначена затем быть «Душою» определенной космической системы (звезды, планеты, м.б. звездной системы или галактики, т.е. включиться в космическую иерархию).

Современные философы, если не отвергают вовсе духовного начала, то чаще всего отождествляют его с сознанием и помещают в голову.

Ценность, придаваемая сущности человека, тоже весьма различается в зависимости от взгляда на его взаимоотношения с миром. От царя природы, от образа и подобия Божия, до умной обезьяны. Человек — это «впавший благодаря науке в манию величия род хищных обезьян»¹¹. Человек — это ошибка природы, «аскет духа», потому что дух аннулирует жизненный порыв (как считает философия жизни, Бергсон, Ницше); человек — это сошедшая с ума обезьяна, хорошо вооружившаяся против себя и всего мира. Пессимистический взгляд на человека не нов; вспомним Платона: человек — это какая-то игрушка богов, и это лучшее его предназначение. Или еще древнее: суета сует и всяческая суета; или даже: «И все живущие на земле ничего не значат»¹². Вопрос о том, может ли человек себя правильно понять и оценить, остается, таким образом, пока открытым.

Существуют различные представления об энергетической конституции человека, в том числе и определяемые метафизической его идеей. Индийская йога (как ее представляют на Западе) говорит о чакрах, движении праны, пробуждении кундалини. Популярны также представления китайской медицины об энергетических каналах, меридианах, акупунктурных точках, гармоническом равновесии двух типов энергии. Можно назвать также практику цигун и работу с кино-варными полями, коренящуюся в метафизике тантризма и связанную с даосской метафизикой, в которой Цзин, Ци и Шэнь (семя, энергия и дух) существуют до рождения (в непроявленном состоянии) как одно целое, а после рождения (т.е. в проявленном мире) они расщепляются. Цель состоит в воссоздании единства и, следовательно, достижения бессмертия.

Суфии также разработали в ходе развития своей духовной практики оригинальное учение об энергетической организации человека. В книге К.В.Эрнста «Суфизм»¹³ приводится более подробный анализ разных модификаций соответствующих представлений. Мы ограничимся одной любопытной таблицей соответствий, принятых в братстве Накшбанди, в которой каждой субстанции соответствует расположение центра в определенном месте тела и определенный цвет:

Сердце (калб)	На два пальца ниже левой груди	Красный
Дух (рух)	На два пальца ниже правой груди	Белый
Душа (нафс)	Под пупком	Желтый
Совесть (сирр)	В середине груди	Зеленый
Сокровенное (хафи)	Над межбровьем	Синий
Чудесный эликсир (акфа)	В верхней части мозга	Черный

В настоящее время получила популярность магическая система Кастанеды и представленная им оригинальная идея энергетической конституции человека. Здесь главное состоит в том месте, которая занимает точка сборки (универсальный код построения картины мира), от ее сдвига зависит все. Интересно, что волевое начало здесь связывается с энергетической «воронкой», которая находится спереди «кокона» в районе пупка, а накопление жизненной и магической силы определяется Землей, с центром которой связан этот самый кокон пуповиной, разрыв которой означает для человека гибель. У сильных магов ноги как бы обуты в золотые сапожки (видимые для экстрасенсов). Однако самой гармоничной и современной системой следует признать информационно-энергетическое учение доктора С.С.Коновалова, о котором более подробно можно узнать из его книг. Не берусь комментировать это учение из опасения внести какой-нибудь ненужный акцент в очень гармоничный строй его мышления. Можно только отметить, что оно не только не противоречит традиционным метафизическим доктринам, но в некоторой мере и включает их в себя.

Удивительное разнообразие конструкций, примеры которого можно было бы приводить и дальше, хотя эти представления в принципе сходны, говорит о том, что человек есть весьма сложное существо и что его видимое и невидимое тело (плотное и тонкое) есть только небольшая часть, а сверх этого еще многое и многое неведомое, а может быть, и непостижимое. Нельзя не упомянуть и старания проникнуть в невидимое и непостижимое, например, со стороны антропософии и теософии, в качестве одного из ранних примеров последней можно назвать откровения Я.Бёме. Однако подобные учения, хотя и отсылают нас к тайным, оккультным сторонам строения человека, к высшему смыслу его существования в мире, все же в значительной мере несут на себе печати своего времени, а нередко представляют собою «гремучую смесь» представлений, заимствованных у современных им наук, с одной стороны, а с другой — видений и прозрений, имеющих субъективный источник и только личное значение, т.е. эти

откровения и прозрения были предназначены именно для конкретных личностей и, подобно снам, должны быть разгаданы ими же в контексте собственной жизни. Впрочем, это, как и любое другое усилие самопознания, для других тоже может представлять определенный интерес.

Позволю себе изложить и свое представление, касающееся этого вопроса. Самым поразительным внешним признаком человека является прямохождение; животные — суть «горизонтальные существа», их позвоночник (что в тонком плане соответствует божественному каналу) параллелен земле и небу; животные соединены с космической энергией каждой точкой этого канала. Иными словами, их связь с Богом непосредственна. Вертикальная позиция для них означает либо агрессию, либо тревожную готовность. Можно было бы подумать, что постоянная вертикальная «стойка» человека как раз и определяется его агрессивностью и тревожностью. Но с точки зрения энергетического строения такая позиция имеет другой смысл. Основание позвоночника (т.е. муладхара-чакра, как называет это индуистская традиция) связано с центром Земли энергетической пуповиной, поэтому в физическом теле нельзя будет путешествовать во Вселенной; через сахасрару-чакру, тысячелепестковый лотос, дыру Браммы, т.е. энергетический центр, расположенный на макушке, божественный канал человека связан с Абсолютом, Богом, поэтому мысленно и «в духе» человек может путешествовать по всей Вселенной. Через солнечное сплетение человек соединен со своей «звездой», т.е. с тем местом во Вселенной, откуда родом его духовная сущность и куда, возможно, после обучения в земной «школе» он, точнее, его преображенная душа, вернется «как к себе домой». Поступающая в солнечное сплетение энергия определяет характерную особенность каждого конкретного человека, неповторимость его духовной и энергетической организации, его пути. В этом проявляется укорененность человека не только в Вечности (через связь с Абсолютом), не только в том месте, которое он занимает на Земле (через связь с ее центром), но также в определенной точке всеобъемлющей Вселенной, физический, видимый аспект которой представляет лишь один момент ее состава. В этой точке человеческая сущность получает импульс своего развертывания к физическому воплощению. Разумеется, отмеченные три типа энергии не исчерпывают всего многообразия, составляя при этом единство, т.е. они суть лишь модусы единой вселенской энергии любви.

Нельзя не упомянуть о бытующих и по сей день механических представлениях, рассматривающих человека как машину, появившихся, как только стали заметны успехи технической цивилизации, а кот-

да успехи дошли до современного состояния, то мозг и сознание тут же стали сравнивать с компьютером. Но ведь техника и прочие достижения цивилизации есть не что иное, как развертывание схемы абстрактного человека. Между абстрактным и метафизическим лежит глубокая пропасть. Абстрактное всегда условно, и действительно, человек все делает условно, он живет культурой: бескрайняя тьма самоценной жизни и освященное искусственным светом пятно культуры составляют контраст. В природе же все конкретно: зверь вовсе не подает сигналы ревом, он просто оглашает себя в центре мира. Для своей конкретизации человек создает инструментальный мир, который нацелен на продление агонии жизни. Животное не записывает за собой то, что сделано, оно просто «пишет» то, что делает, человек все время «отчитывается» — это гиперсоциальность, перешедшая в антропологическую доминанту, поэтому он пытается найти равновесие в «природе», которая становится ему недоступна, он не может жить «природно» и, как существо переходное, он задержался в этом состоянии. Животное не оскорбляет природу, но она отторгает человека. Он производит отбросы, и сам он только «полуфабрикат», расщеплен и не собран обратно: теперь эта «вершина эволюции» стала угрозой для всех предыдущих трудов этой эволюции, для всего Древа Жизни на Земле. Причем природа для него там, где он не успел оставить много мусора; природа для него это только трава, деревья, река, звезды, на которые уже некогда посмотреть. Традиционная мысль о Природе как о едином, живом, целостном организме-Космосе представляется ему просто художественным образом, метафорой.

Инструментальный мир полностью перевернут по отношению к метафизическому принципу; такой мир насквозь магичен, ведь он по сути есть манипуляция с материальными формами через подчинение мышления этой службе. Душа «заарканена» петлей материальных потребностей. Внешне интументальный мир кажется доминированием мужского начала, но на деле как раз наоборот, ведь магия, даже в таком замаскированном виде, свойственна именно женскому началу. Это требует пояснения. Здесь можно уловить различие абстрактного (т.е. отвлеченного) и метафизического (т.е. располагающегося вне физики, что не значит отвлечения от физики, т.е. проекции на некий несуществующий экран).

Пуруша и Пракрити, Адам и Ева, Ян и Инь и множество других подобных имен одной и той же исходной двоичности — это два первых духовных принципа, из которых развертывается весь мир форм. Китайская традиция представляет через них (в И-Цзин) все явления мира, весь его метафизический каркас, конкретизируя все в ком

ментариях. Двоичность проявленного мира присутствует практически во всех традициях, человеческий род тоже расщеплен на два типа существ, мужчину и женщину. Дети и старики в определенном смысле полностью не включены в мир человеческой формы, в них пол или еще или уже не проявлен, а только обозначен. Возраст и пол – вот две оси, по которым происходит нисхождение, восхождение, расширение и свертывание от метафизических принципов к конкретным жизненным проявлениям внутри мира человека, мира отчуждения от исходного единства. Неизбежное различие видно и в двух типах знания. Сначала по оси времени, т.е. возраста: дитя знает все, старик может только все вспоминать. По оси пола: женский и мужской разум, конечно, различны, хотя современные биологические исследования отрицают врожденную предрасположенность мозга к определенному (согласно различным полам) разуму. Но ведь очевидно, что среди великих ученых, философов, политических и религиозных деятелей большинство мужчин, редкая женщина допускается исполнять эти роли и редко исполняет их с превосходящим успехом. И дело здесь не только в социальных условиях и системе навязываемых критериев или же в заговоре, предубеждении. Ведь женщинам доступны тонкая психическая работа, интуиция, воздействие на других, внушение, манипуляция не только чувствами других людей, но и их волей, часто не замечаемая. Очень тонко эту «войну» двух начал Ф.М.Достоевский изобразил в «Кроткой». В этой повести герой (кстати, ростовщик!) вознамерился «воспитать себе друга» из Кроткой, девушки-сироты, ставшей его женой (она – олицетворение душевного начала, ростовщик, видимо, материального, точнее страстного, но одновременно фиктивного, которое можно назвать горячечным воображением). В удивительной дуэли воль, чувств, убеждений, бой идет с переменным успехом, но победителем выходит Кроткая, хотя во всех переплетениях она всегда в позиции защищающейся стороны и она погибает по законам классической трагедии. Интересно, что герой «всего пять минут опоздал», чтобы сделать из своей противоположности себе друга! Получается, что (интерпретируя эту психологическую художественную метафору в метафизическом смысле) левое и правое, мир и антимир, Инь и Ян разделены непроницаемо одним мгновением (или точкой, если в пространстве). Эта точка и мгновение рисуют видимый мир, мир иллюзии.

На Западе женский принцип считали пассивным, а в индуизме, наоборот, действующим и творческим.

В известных картинках, с помощью которых в индуизме поясняется отношение двух принципов, Пуруша созерцает, а Майя (иллюзия, т.е. Пракрити, создающая мир форм и имен) непрестанно танцу

ет перед ним. В тот момент, когда Пуруша уходит (т.е. перестает зеркацать), танец тотчас прекращается и все исчезает. Другая картинка на этот же сюжет: один безногий и бессильный, а другой слепой, но силач. Хромой и слепой порознь никуда пойти не могут. Хромой на плечах слепого — вот дух и материя. Эти картинки иллюстрируют соотношение двух изначальных принципов. В конкретном же проявлении все двадцать пять упомянутых начал так тесно переплетены, что в этом плетении, в бесконечном орнаменте форм и имен ни один из них в чистом виде выделить нельзя. Всегда и везде присутствуют все, разнится их соотношение. Так, хотя и есть некая абстрактная идея человека, но в действительности этого абстрактного человека нет, а есть мужчины и женщины, дети и старики. По крайней мере, эти четыре типа существ, как стороны света, совпадают только в нулевой точке присутствия наблюдателя, в которой как раз человек как таковой отсутствует.

Среди прочих несовпадений интересно, что то, что называется духовной или космической энергией (никто не знает сейчас ее природы, поскольку она превосходит горизонт осознания современного человека), оказывается разнонаправленным у двух половин человеческого рода. Мужчины по идее должны направлять ее на духовные же предметы; во времена, когда эти самые предметы скрыты, они становятся (опять же по идее) мистиками. Женщины же направляют ту же самую таинственную энергию на материальный план, т.е. они прирожденные маги. Как написал Н.В.Гоголь, все женщины — ведьмы (от слова ведать). Зато если этим великим делом займется мужчина, то он доходит, как изобразил тот же Гоголь в «Страшной мести», до самого предела (в повести это убийство святого). Духовными практиками по преимуществу занимаются (традиционно) мужчины, получая таким образом «второе рождение», в котором, по идее, открывается истинное знание (известно, что высшие варны называются в Индии «дважды рожденными»). Будда, говорят, вообще не приветствовал создание женских монастырей. Женщины иначе поляризуют изначальную духовную энергию. Интересно, что в русской магии особое значение придается беременной женщине, считалось, что в таком случае действуют две души вместо одной. Женщина же (вместо всякой искусственной практики) в момент рождения ребенка как бы на одно мгновение получает полноту истинного знания, ведь ребенок, родившись, тождественен космосу. Правда, это ей не мешает сразу все забыть. Наверное, небесные близнецы посылают ей это знание, видя в ней и в ее ребенке мгновенное свое отражение, образ и подобие. Образ близнецов можно интер-

претировать как два микрокосма: в момент рождения младенец еще бессмертен (т.е. еще связан с космосом непосредственно), а мать в момент рождения умирает, так, согласно буддийской символике, Будда, рождаясь, убивает этим свою мать, Майю, иллюзию. Цепь отчуждения и забвения для появившегося на белый свет человека начинается с этого момента. Ступени отчуждения — определение пола, название имени, обучение, прохождение разнообразных социальных ролей, наконец, старость и смерть, возвращение к космическому знанию.

Человек сам для себя остается тайной, как и та бесконечная Вселенная, которую, он думает, что постигает как внешнюю для себя. Принцип научного знания — объективность, т.е. внеположенность объекта, а то, что не поддается такому познанию, признается несуществующим (или же существующим как-то не по-настоящему). Метафизический же принцип человека предполагает, что он есть существо прежде всего духовное, что он превосходит сам себя, т.е. он не есть то, чем кажется. То, что нет человека вообще, а существуют два несводимых друг к другу типа человека — мужчина и женщина — это тоже метафизический принцип, хотя выглядит эмпирическим фактом. Эти два типа несводимы и несовместимы, но не могут обойтись друг без друга, как левое и правое, лицо и изнанка, мир и антимир. Впрочем, —китайские медики говорят, что женщина это «Инь снаружи, Ян изнутри, а мужчина — Ян снаружи, Инь изнутри». Требования социального равенства в современном западном сознании полностью перекрывают доступ ко всяким метафизическим размышлениям по этому поводу, вообще для этого типа сознания социальность приобрела небывалую значимость, вероятно, ввиду ее катастрофической неустроенности и несправедливости. Конструкция современных сообществ (а значит, и доминирующий тип человека) такова, что развертывание и реализация этих принципов крайне искажены и не гармоничны. Магическое начало в особенности выглядит и представляется крайне карикатурно и понимается как ритуальное манипулирование некими предметами и символами, в то время как это начало принижывает собою все стороны жизни. Речь, разумеется, не идет о современном массовом сознании, которое видит в магии прежде всего завлекательный сюжет и пособие для своей «воли к власти». Разумеется, такой образ магии может вызывать только отвращение. Подлинные вещи, напротив, не бросаются в глаза, а чаще всего вовсе незаметны. Магия и познание — это действия души. Впрочем, душа знает все, точно так же, как тело все помнит. Интерес-

но, что зороастризм символически представлял душу, «фраваш», в образе крылатого диска, наверное, золотого или огненного. Этот образ очень близок, практически тождественен египетскому символу солнца (утверждают, будто бы Солнце-Ра было олицетворением для египтян Мировой Души). В этом нет ничего странного, ведь зороастризм очень древняя религия; обычно полагают, что приверженцы этой религии поклонялись огню и воде, забывая при этом, что огонь и вода для них были двумя модусами изначальной Энергии-Субстанции, поляризация которой на первичные «элементы» порождает миры. Возможно, что нетварный огонь и теперь кое-где появляется в бывших местах их поклонения! Итак, «фраваш» — это бессмертная крылатая душа, светящийся диск с крыльями. Почему светящийся — понятно, ведь душа просветляет плоть, но интересно, почему крылатый, что навело этих людей на мысль приладить душе крылья? Может быть, потому, что душа человека, эта искра Божия, отделяясь (как брызги отделяются от океана, оставаясь ему присущими) от того, что принято называть Мировой Душой, воплощаясь, облекается условиями материального (физического) существования. И вот душа «уловлена». Но она знает и помнит о своем пути внедрения в материальный мир: она «летела», вращаясь, вовлекая по пути своего движения материальные, информационные поля, энергии, частицы, облекаясь таким образом плотью. Т.е. плоть — это вихрь-оболочка души. Ее «полет» (в направлении к рождению в физическом мире) напоминает вращение несущейся с космической скоростью галактики. А проекция этой галактики, ее символ, — крылатый огненный диск, т.е. вихрь звезд вокруг ядра. Поскольку физический мир есть как бы экран для бесконечного числа непроявленных миров, то он и является местом встречи всех тех душ, которые посланы этими мирами, может быть, для встречи, а может быть, для обретения знания о физическом мире, ведь единственно, что получает здесь душа — это знание о мире, о непроницаемости материи, о своих усилиях по ее преобразению, придания ей своего образа, иными словами, она получает здесь уникальный опыт. Кстати, этим можно объяснить, почему люди друг друга плохо понимают, несмотря на изощренные средства общения, почему «чужая душа потемки», или как сухо выразился Аристотель: «с людьми жить трудно!». «Трудно», «потемки» — потому что души обладают изначальными знаниями обо «всем» своего мира; и только физический мир, больше того, только лишь одна Земля есть их общий мир, их общая «зона».

Проявленный мир (видимый, физический и психический, мир чувства и разума) — это экран непроявленного мира, который теперь признан и наукой под терминами «темной энергии» и «темной материи». Религия и философия (не сциентистская, а та, которую Аристотель называл «первофилософией») туда, в темный зал проецирует то, нехватка чего символизируется в цепи таких понятий: Бог, бессмертие, свободная воля, последнее основание единства нашего познания, рай и ад и т.п. Но подобно тому, как мы ничего не знаем о Боге, хотя все, что мы знаем, мы знаем именно о Нем, так же мы не знаем, зная, об этом темном мире; проекция же на экран — это тело. Человеческое тело не само по себе существует, оно есть видимый образ невидимого существа. Поэтому и знание человека, по видимости столь малое и ограниченное, на самом деле превосходит само себя. Сократ изрек приятно удивляющую формулу о своем незнании (в ней присутствует и парадокс лжеца). Конфуций произнес более трезвую формулу: «знаю то, что знаю и не знаю, того, что не знаю». Казалось бы, Сократ нацелен и, можно сказать, пикирует на незнание («темный зал»), а Конфуций призывает ограничиваться наличным и не стремиться к «злему знанию» (так в Китае называли любопытство к причинам чудес), призывает персонажей киноленты оставаться в пределах экрана. И если бы Сократ был действительно уверен в бессмертии своей души (как он это утверждал), то он должен был бы сказать: «не знаю, как много я знаю», т.е. я знаю больше, чем способен осознать, ведь душа знает все. Зато — не грех повторить! — тело все помнит. Память, воспоминание извлекает знание лишь к случаю, в ответ на вопрос. Западный стиль познания, формализовав процесс беседы, канонизировал как нормальное, правильное и достойное доверия рассудочное мышление, т.е. обсуждение и вынесение решения «по сути дела» (как в суде, логика рассматривает правильность суждения). Никакой непроверяемой интуиции, никаких прозрений и откровений, — все это не считается источниками достоверного знания, все это подводится под юрисдикцию воображения. Знание фактически приравнено к сохранению знания, к памяти, что проявилось затем и в образовании. Процесс же усиливающегося господства рационализации есть окончательное развернувшееся «уплощение» знания до экрана сознания, разгул бесознательного лишь эпифеномен этого развертывания. Понятно, что на традиционном Востоке (имеется в виду, не современном и не географическом) знание — это путь души, да и сама жизнь, как, например, у суфиев, это путешествие души, тарикат.

Человек есть то, что он знает. Если он знает только мир физических объектов, то он сам становится объектом. Смерть постоянно показывает ему, что он даже меньше, чем физический объект, что в физическом мире он ничто и никто. А сознание с такой же настойчивостью свидетельствует, что он больше, чем физический объект, а лучше сказать, что вообще таковым не является. С биохимической точки зрения он представляется взрывом и стремительным ускорением химических процессов, имеющих место и в природе. В любом случае, наука изучает явления в их закономерностях, основанных на убеждении, что прошлое равно будущему и «природа» не изменит свои повадки. Наука себя осознает способной решать проблемы и давать правдоподобные объяснения фактам. В сущности, все научные теории на деле суть гипотезы. Современный «цивилизованный» человек выбрал образ научного знания о себе в модусе бесконечного накопления сведений; это знание безличное, оно должно быть потенциально общепринятым (хотя общепринятое — это всего лишь общее мнение, столь же далекое от истины, как и частное мнение). Это знание, можно сказать, расширяется по горизонтали. Оно дает развертки предметов, например, разверткой куба (т.е. проекцией на плоскость) будет крест из шести квадратов. Идеалом остается обратное действие — из этих бесконечных разверток в конечном счете обратно собрать единую картину мира. Еще Кант, однако, сумел показать, что основания единства законов не доступно для познания. Т.е. развернуть-то можно, но как обратно свернуть — неизвестно. Старинный образ ученика мага, который подслушал могущественное заклинание и в отсутствие учителя произнес его, а то, что после этого начало «расширяться как вселенная», остановить не смог — таков образ современного аналитического знания. Убежденность в достоверности доставляется при этом инструментальным путем, наблюдением, экспериментом, конструированием схем, ведущих к уже принятым фактам. Иными словами, опора науки — это волевое начало, деятельность, а рассудок, выступающий как судья и проводник в расследовании (т.е. исследовании), тоже есть деятельность, но чисто идеальная. Цивилизация, ориентированная на такой тип знания, движется усилением и увеличением разрешающей способности (за счет техники) всех природных возможностей человека: восприятия, мышления, движения. Это увеличение ведет как бы к выворачиванию наизнанку свойств физического мира (в действительности их нельзя вывернуть, так как они, как лента Мёбиуса, имеют лишь одну поверхность явленного). Поэтому, усиливая контрасты между свойствами, человек лишь производит «мусор», который вскоре и выбрасывает «за забор», т.е. за горизонт сиюминутного восприятия.

Философия тоже есть воля, только это воля к истине, она не связана, в принципе, с инструментальной сферой деятельности, это — созерцание, отчасти и духовная интуиция. Истина как полнота проявлений — опора и одновременно цель философии (истина бытия, истина познания, истина действия и состояния). Следовательно, это созерцательное начало, где воля успокоена. Метафизика — это знание, которое не опирается ни на что, по крайней мере, в явленном мире. Она сама есть опора и первой и второй, т.е. воли-рассудка и воли-разума. Наука нацелена на факты и их связи (факты — это прошлое, они имеют дело только с прошлым и его проекциями в будущее). Философия нацелена на «все», на основания знания и существования, ее пафос — любовь к истине, преданность истине; метафизика имеет дело с непроявленным в явном, но она не имеет цели в мире явлений, тем самым она ближе всего к мгновению настоящего (вся Вечность в полноте настоящего момента). Если наука — это коллективный предрассудок (в нее верят с таким же убеждением!), то философия — это индивидуальное проявление сверхиндивидуального, но не коллективного (среда которого есть мнение, «общественное мнение»). Метафизика полагает себя вне различения индивидуального и общего (коллективного, если в приложении к социуму). Так можно очень схематично представить соотношение этих трех основных типов знания. Существует, конечно, и чисто мистическое познание, которое передается от учителя к ученику. Но современные «восточные» учителя (гуру) для масс как-то мало напоминают древних риши; «гуру» деградируют (как и властные структуры) от недопущения в свой адрес критики. Что значит отсутствие критики? В психологическом отношении это означает создание особых условий именно для учителя. Поклонение, а также энергия искусственно поддерживаемой любви «перекармливают» гуру (по крайней мере, тех, кто пользуется популярностью на Западе, «раскрученных»). Этим объясняется сравнительно короткая их жизнь, долгожителей среди них нет. В определенном смысле, они отмечают собой тупиковые направления, это тупики, в которые упираются вереницы учеников. Учитель, именно потому, что он учит, обращен взором в прошлое; ученики должны смотреть не на него, а сквозь него, если не хотят застрять в этом тупике (а большинство поклоняющихся именно здесь и застревают, создавая религии и религиозные движения). Так возникают организации, предприятия по «стяжанию духа», бизнес духа, со всеми прискорбными последствиями. Духовная жизнь принципиально индивидуальна и уникальна для каждого человека. Весь лабиринт сложившихся организаций не очень охотно выпускает попавшую в него

жертву, конкретного индивида, соблазняя и пугая его разными способами и приемами. В этом лабиринте нельзя ничего обрести, кроме встречи с минотавром, т.е. с самим собой, пропитывающимся по ходу блуждания в лабиринте животным «духом». Над входом в Лабиринт был символ перекрещивающихся топориков — символ власти. Так точно и вступающий в духовный лабиринт влечется туда поиском власти (над миром, собой, другими). На каждом повороте есть свой «гуру», а в центре — главный гуру, сам деградировавший искатель. Тот, кого не привлекает никакая власть, никогда не предается поискам гуру, как, впрочем, он не будет подвергать этих внутрिलाбиринтных гуру разрушительной критике, хотя критика для них необходима, как свежий воздух, но она не должна быть убийственной, а скорее, выводящей из тупика.

Истинный исток всякого знания (значит, и трех выше названных) — это откровение, но, разумеется, не в религиозной окраске и даже лучше без нее, так как религии, будучи социокультурными институтами, несут в себе многовековой накопившийся груз предвзятых схем, предрассудков и отживших правил. Откровение вообще — это доступ к информационному полю Земли, а может быть и Вселенной, оно всегда готово проявиться для любого человека на Земле, правда, оно по какой-то причине редко встречается или, скорее, редко осознается. Наверное, человек становится глух к этому потоку информации, в том числе и потому, что блокирует свое сознание «неясно» ориентированной мыслью, т.е. последняя не настроена на соответствующий уровень знания. Даже приемник ловит только шум, когда он плохо настроен. Каждому типу знания соответствует свой «приемник», т.е. свой модус и сочетание модусов познавательных способностей души: чувства, рас-судка, воображения, разума, воли, интуиции. Для непосредственного знания, получаемого как откровение, пробуждается духовная интуиция. Таковы невидимые крылья души. Сама же она есть искра божественной любви. И поэтому человек есть не что иное, как бесконечная формула вселенской любви. В той мере, в какой он это знает, он и может быть назван образом и подобием Бога.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Бируни А.* Индия. Пер. с араб. М., 1995. С. 333–334.
- ² См.: *Тенон Р.* Символы священной науки / Пер. Н.Тирос. М., 2002. Гл. «Игольное ушко».
- ³ См.: *Энциклопедия мистических терминов.* М., 1998. С. 376.
- ⁴ Термины восточных метафизических доктрин я беру как знаки идей, более или менее известные также и на Западе. Это просто имена смысловых блоков. Нет никакой необходимости вникать здесь в тонкости этих доктрин, во-первых, по

тому что они соответствуют определенному времени и складу ума, во-вторых, потому что вряд ли они действительно могут быть поняты современным человеком, с присущим ему, по большей части, буквалистским пониманием.

⁵ Веданта Сутра. 1.2.11. СПб., 1995. Пер. Д.М.Рогозы. С. 25.

⁶ Платон. Собр. Соч. Т. 3. М., 1994. С. 497.

⁷ Этруски: италийское жизнелюбие. М., 1998. С. 123.

⁸ Конечно, Бог сотворил человека по образу Своему: «По образу Божию сотворил его; мужчину и женщину», — все-таки сразу в одном двоих! И далее: «вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Библия, Быт. 1, 27; 2, 7). Неужели у этого коlobberа «мужчины и женщины» было лицо? Это, наверное, просто трудности перевода.

⁹ См.: *Коновалов С.С.* Книга, которая лечит. 9-я кн. Сердце и сосуды. СПб.—М., 2003. Впрочем, доктор тоже «помещает» душу в голову, но это имеет совсем другой, не буквальный смысл.

¹⁰ Там же. 13-я кн. Творение мира. Т. 1. СПб.—М., 2004. С. 31.

¹¹ Цит. по: *Шеллер М.* Избранные произведения. М., 1994. С. 193.

¹² Библия. М., 1983. С. 851. Дан. 4, 42. Правда, это слова не самого пророка.

¹³ *Эрнст К.В.* Суфизм. М., 2002. С. 145.